

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Ф.Е.Левина «Протонациональный миф и история в
«Основе знаний об Ирландии» Джоффри Китинга», представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по специаль-
ности 07.00. 03 – всеобщая история**

Диссертация Ф.Е. Левина посвящена важной в научном отношении и совершенно не исследованной в отечественной историографии теме формирования протонационального мифа об историческом и этническом прошлом Ирландии в творчестве Джоффри Китинга – в контексте развития европейского историописания раннего Нового времени. В своей работе автор диссертации, как представляется, применил конструктивистский подход к исследованию избранной темы, воспринимая этничность не столько как феномен, основанный на неизменных признаках кровного родства, сколько относя ее, в соответствии с подходами и практиками Джоффри Китинга, к сфере воображаемого, отчасти субъектно-«категориального» мира, конструируемого автором «Основ».

На мой взгляд, Ф.Е. Левину удалось изучить материал сразу в нескольких временных плоскостях: он представляет читателю как мир Китинга, писавшего в первой половине XVII в. и опрокидывавшего свои представления из этого времени на далекое, мифологизированное им, прошлое Ирландии, так и – само это прошлое, берущее истоки в библейских временах, героически окрашенное веяниями саг, легенд и других компиляций, на которых основывался Китинг. Есть и еще одно измерение – мир самого автора диссертации, увлекательно и в то же время с профессионализмом добротного историка повествующего об интересующей его теме, грамотно расставляющего исследовательские и повествовательные акценты с тем, чтобы полнее раскрыть свою тему.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что автор не только исчерпывающим образом знаком с предметом своего исследования и увлечен им, но и тот неоспоримый факт, что он наилучшим образом ориентируется в обширной историографии [на английском, французском и (специально выученным им) ирландском языках]. Так, например, введение к диссертации, в которое включены обзор историографии и источников, составляет около сотни страниц. Но дело не только в большом объеме этого раздела; Ф.Е. Левин действительно прекрасно знает сложную историографию своего предмета, о чем свидетельствует, например, то обстоятельство, что в процессе всей работы он сравнивает различные историографические концепции и нередко удачно полемизирует с их авторами. Кроме того, на фоне историографического анализа читателю диссертации отчетливо представлена новизна работы, собственный вклад диссертанта в разработку темы, заключающийся прежде всего в том, что он впервые предпринимает *комплексный анализ* такого уникального ис-

точника, каковым является «Основа знаний об Ирландии» – в рамках интеллектуальной традиции Западной Европы раннего Нового времени, уточняет теорию «договорной» ирландской идентичности и вводит в научный оборот ряд рукописных источников (так, рукопись McClean 187, которая, по предположению автора, была копией «Черной книги Молага»).

Что касается использованного автором источникового материала, то это специальный разговор. Ведь и сам-то труд Китинга – источник объемный и сложный для анализа, переведившийся на ирландский и английский языки в течение 200 лет (так, на С. 102–124 автор диссертации приводит огромный список рукописей этой работы, находящихся в библиотеках Ирландии, Англии, Шотландии и Уэльса – копий и переводов, включающий, по моим подсчетам, 166 наименований). Но Ф.Е. Левин, помимо изучения основного источника, поставил себе особую исследовательскую задачу – показать и, насколько это возможно, самому представить весь тот обширный круг источников, которым пользовался Дж. Китинг (на латинском, древнегреческом, древнеирландском и др. языках). В *изучении круга источников Китинга*, использованных им для написания «Основы знаний», я вижу особую исследовательскую заслугу диссертанта. Насколько мне известно, вполне тщательно этого не делали зарубежные коллеги Ф.Е. Левина; в частности, специалист по ирландскому историописанию, исследовательница Б. Каннингэм, в своей работе «Мир Джоффри Китинга» уделяет этому аспекту, как кажется, недостаточно внимания.

Источники Китинга автор подразделяет на рукописные и печатные. В первую группу входят анналы, исторические компиляции ирландских генеалогий, саги и фольклор, поэзия бардов. Базу «Основы знаний» Китинга составила «Книга захватов» (хорошо изученная Ф.Е. Левиным), посвященная истории заселения Ирландии, а также другие «Книги»: «Книга бурой коровы», «Шесть веков мира», «Чудо Колумбы» и др.; причем диссертант справедливо отмечает, что Китинг, скорее всего, работал с компиляциями, а не с древними рукописями. В число печатных источников вошли труды по истории автохтонной Ирландии: хроники, богословские труды и труды по географии, словари. Так, Китинг анализирует «Топографию Ирландии» Гиральда Камбрийского (XII–XIII в.), его же «Завоевание Ирландии» (англо-норманнами), «Церковную историю» Беда Достопочтенного, «Жизнь Альфреда...» епископа Ашера, «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского, «Полихроникон» Хигдена (XIV в.) и др. Китинг привлекает к написанию своего труда знаменитую «Британию» У. Кемдена, которого иногда называют «английским Страбоном», а также работы авторов раннего Нового времени – Полидора Вергилия, Джона Строу, Ричарда Хаклюйта и др. В области изложения церковной истории Ирландии Китинг, сам предлежавший миру Церкви, использовал работы Цезария Гейстербахского, Бернарда Клервоского, Роберто Беллармино и др. В процессе построения протонационального мифа Китингом не были забыты и античные авторы: Геродот, Макробий, Иосиф Флавий и др.

Как же соискателю удастся показать сущность, цели создания, процесс и метод «построения» Китингом того протонационального мифа (отчасти, как подчас представляется, с эффектным блеском вообразенного им, и в то же время вовсе не являющегося исторической фикцией ввиду того, что он опирается не на псевдоисторические подробности, а по большей части – на предания «действительной истории»), которому посвящены «Основы знаний» и, по сути, – диссертация Ф.Е. Левина? В нескольких главах своей работы (особенно во второй и третьей) автор последовательно реализует свою основную задачу. Он, в частности, справедливо связывает процесс «мифотворчества» Китинга с глубоким усвоением последним специфики ирландской (кельтской) традиции, этого «континуума памяти» (П. Зюмтор); традиции, вобравшей в себя предания старины (сеннхас) и сказания, зачастую, как показал автор диссертации, делившиеся по «тематическому» принципу: «битвы», «путешествия», «предания о смерти», «убийства», «любовь» и пр. Эта традиция заключалась в детальном знании о предках, которое опиралось на знание генеалогий и династий как гэльского, так и англо-нормандского происхождения. А поскольку к местному материалу Китингом были «приспособлены» библейская и античная традиции, то ему удалось создать картину, уходящую корнями в начало времен и состоящую, с одной стороны, из легенд и сказаний о богах и героях, а с другой – мифологизирующую реальных персонажей (например, королей) действительной истории Ирландии. Целью протонационального мифа Китинга, как показал автор диссертации, являлась задача поставить славную и Богом хранимую Ирландию в один ряд с легендарными Римом и Израилем.

Ф.Е. Левину удалось показать, что важной частью построений Китинга о прошлом Ирландии явился этногенетический миф, возводимый к истории гойделов, покорителей Ирландии, родословную которых – с рядом вариаций – Китинг начинает с внука Ноя Магога (если представлять Магога в «человеческом измерении», а не в качестве квинтэссенции злого начала), символизовавшего родство гэлогворящих (до англо-нормандского Завоевания) племен, населявших Ирландию. Характерной чертой этногенетического мифа являлась и идея *внешнего* заселения страны, географически включающая ряд направлений («скифское», «греческое», «пиренейское») и отличающаяся представлением об избранности народа Ирландии как общности, которой *свыше было уготовано* обрести родину – в параллель с преданием Ветхого Завета о странствованиях иудеев и их исходе из Египта в страну обетованную (по Китингу, вместе с Моисеем и иудеями в Египте побывали и гэлы, отбыв затем в далекую туманную землю на севере - Ирландию). В целом можно согласиться с выводом диссертанта о том, что Китинг совершенно очевидно воспроизводил миф о происхождении гэлов в основном по «Книге захватов», согласовывал его с библейской этнографией, осмысляя этничность как набор отличительных признаков народа, выраженных в специфике происхождения, языка и социальных практик, и интегрируя гойделов в семью европейских родов. Для определения понятия «народ», как показывает Ф.Е.

Левин, Китинг использует ирландское слово «*sineadh*», эквивалентное латинским терминам «*gens*» и «*natio*». Но поскольку этот же термин используется у Китинга и для обозначения более мелких этнических групп (племена, рода, семейства, клана), то Ф.Е. Левин выдвигает предположение о том, что автор анализируемого им источника в данном случае понимает этничность (воспроизводимую в ирландской традиции) как объединение организованных в некрупные сообщества лиц, связанных кровно-родственными отношениями. Можно согласиться с выводом диссертанта о том, что, видимо, ирландская традиция оставалась консервативной в терминологическом отношении, а рецепция латинских понятий могла действительно иметь место лишь в раннее Новое время.

К исследованию этнической природы термина «народ» у Ф.Е. Левина, изучающего труды Китинга, предлежит изучение ключевого понятия «ирландец». Как показывает диссертант, согласно Китингу, ирландцы – это католическое население страны, подданные королевства Ирландия, носители ирландского (исконно – гэльского) языка и гэльских культурных практик, для которых история страны начинается не с англо-нормандского завоевания Ирландии в XII в., а с самой древности, с преданий старины. Т.о., диссертант показывает, что для Китинга ирландцы – это и гэлы, и т.н. «старые англичане» (потомки англо-нормандских завоевателей), но судя по всему, гэльский элемент в их истории, культуре, территории, этногенезе, конфессиональной принадлежности – важнейший. Эти суждения Китинга, показанные Ф.Е. Левиным, отличаются от взглядов ирландских историков (М. Кэбалл, Б. Брэдшоу, Б. О'Буахалла и др.), которые увязывают понятие «ирландец» с XVI веком, когда началось сближение католических гэльских и староанглийских элит и, по всей видимости, исключают из него «протоэлемент».

Одним из наиболее важных исследовательских сюжетов в диссертации представляется сюжет, связанный с представлениями Китинга о верховной власти, изученный Ф.Е. Левиным. Диссертант показывает, что Китинг в своем труде закрепил исторически сложившуюся иерархию верховных королей Ирландии, обладавших главенством над всеми «провинциальными» правителями; королей, короновавшихся в Таре на камне Лиа Фаль, обладавших символами верховной власти – легитимности, силы (меч и копье), гостеприимства (котел Дагды). Важно то, что Китинг, как показал Ф.Е. Левин, по всей видимости, действительно не расходится с «канонам верховных королей»; так, на С. 180 работы ее автор приводит список языческих и христианских королей Ирландии, решающим способом обретения власти для которых являлась сила, а не наследственное право. Сила и мудрость в управлении являлись основой и гарантией всеобщего мира как высшего проявления власти верховных королей, которым, по Китингу, приписываются также твердость в католической вере, ученость, щедрость и гостеприимство.

В то же время Ф.Е. Левиным в его работе анализируются сложнейшие проблемы ирландской истории (в интерпретации Китинга), которые явно расходятся с «канонам верховных королей», представленным в «Книге за-

хватов». Одним из таких сюжетов является проблема хронологии, особенно заинтересовавшая меня. Так, автор диссертации показывает, что Китинг в своих попытках модифицировать традицию хронологического ряда, основанную на использовании исчисления времени в Септуагинте (перевод Ветхого завета на древнегреческий язык; III–I вв. до н.э.) пришел к «хронологической катастрофе». Дело в том, что в качестве авторитета Китинг выбрал не традицию Септуагинты, а «Краткую хронологию» Роберто Беллармино, опиравшегося, по всей видимости, на трактовку этого вопроса Бедой Достопочтенным, которая, в свою очередь, была основана на прочтении Вульгаты. В результате, как следует из внушительной таблицы, приведенной автором диссертации на С. 207–212, даты правления ирландских королей слабо синхронизируются с датами мировой истории и, по моим наблюдениям, на 5–7–10 лет разнятся с данными «Книги захватов», которые приводятся диссертантом. Так что картина «хронологической катастрофы» получается довольно убедительной, и масса хронологических несоответствий – доказанный диссертантом факт. И все же остается вопрос: отчего Китинг, обычно верный традиции, именно в этой части своего труда пошел вразрез с ней и намеренно опирался на труды Беллармино? Потому ли, что Беллармино, известный богослов и писатель (кстати, по сути, – главный обвинитель в процессах над Бруно и Галилеем) был современником Китинга и его исторические и богословские труды, пользовавшиеся известностью в среде европейских интеллектуалов раннего Нового времени, в этом смысле привлекли и Китинга, который в молодости воспитывался на континенте? Или это сознательное стремление гармонизировать манеру специфически ирландского историописания с европейским? Но почему именно в отношении хронологии? Только ли потому, что хронология достаточно ярко представлена именно у Беллармино? Или была еще какая-то важная причина? Так или иначе, этот вопрос остается все-таки недосказанным и, на мой взгляд, требует большей определенности.

Важной частью мифотворчества Китинга, как показал Ф.Е. Левин, явился «прием» «удревнения» (иммемориализации) прошлого Ирландии, к которому в целом нередко прибегали и предшественники Китинга, и его современники не только в Ирландии, но и в Англии (так, например, сэра Эдуард Кок и его коллеги, удревнявшие историю английского парламента). Такая ретроспекция не являлась сознательной фальсификацией истории, а использовалась подчас с целью легитимации настоящего, в случае Китинга – была связана с образованием в 1541 г. королевства Ирландии (под эгидой Тюдоров, но с главной исполнительной властью в лице лорда-лейтенанта Ирландии), которому, по справедливому выражению диссертанта, «понадобилась собственная история». Поэтому в «Основе знаний» Китинг повествует о своей стране как об историческом «*королевстве Ирландия*», появившемся уже в XII в. в связи с англо-нормандским завоеванием Зеленого острова. Хотя при всем этом формально до 1541 г., насколько мне известно, страна именовалась «лордством Ирландия». Таким образом, Китинг, с одной стороны, легитими-

рует власть английской монархии, а с другой – сочетает эту легитимацию с муссированием идеи о традиции выборности верховных королей Ирландии по закону Тары на камне Лиа Фаль (представляя собрания в Таре в качестве аналога ирландского парламента), оправдывая, таким образом, передачу верховной власти английскому монарху еще и старинным обычаем Ирландии, и одновременно настаивая на самостоятельности своей страны, интерпретируя ее в качестве «*corporate of itself*» – отдельного королевства, маленького мира – хотя и находящегося под властной защитой английской короны. Именно идея Китинга об историческом королевстве Ирландия (хоть и очень самобытном, но все же – *королевстве*) в значительной мере послужила в дальнейшем фундаментом для формирования ирландского национализма; появившееся на свет в 1922 г. Ирландское свободное государство, по убедительному мнению автора диссертации, предстало преемником средневекового Ирландского королевства, отличавшегося к тому же большой долей гэльской самобытности. К этой части мифотворчества Китинга предлежала и еще одна идея – идея об *издревле независимом* королевстве Ирландия; так, он, как показывает Ф.Е. Левин, писал о том, что «Ирландия никогда не была завоевана» (С. 280 и др.), и даже Генрих II был добровольно признан всей ирландской светской и духовной знатью. Более того, англо-нормандское завоевание XII в. окрашивается Китингом в христианские тона: англичане не только гарантировали местному населению их права, но и способствовали развитию христианства.

Важно и то, что в диссертации Ф.Е. Левина «Основа знаний об Ирландии» представлена в качестве продукта *церковного* историописания, обусловленного прокатолической направленностью Китинга – выразителя позиции ирландского приходского клира – и стремлением показать догматы контрреформационного Тридентского собора. В диссертации показано, что Китинг артикулировал историко-конфессиональную идею о том, что ирландская Церковь сложилась во времена Святого Патрика (V в.) и не менялась до англо-нормандского завоевания. Таким образом, «Основа знаний» предстает не только вместилищем исторического протонационального мифа, но, по справедливому мнению Ф.Е. Левина, является и наставлением в вере, поскольку ее автор уподобляет путешествие в историю путешествию души верующего человека, выбирающего между добром и злом.

Особого внимания заслуживает и важный вопрос, освещенный Ф.Е. Левиным, об историописательных стратегиях Китинга. По сути, автор диссертации исследует проблему формы и метода автора «Книги». Ф.Е. Левин показывает, что Китинг использует традиционный средневековый нарратив (рассказ о деяниях королей, героев, святых) с характерным для него духом компилятивного средневекового историописания, опираясь при этом на нарративные формулы ирландской средневековой традиции и используя прием секвенции в качестве способа организации повествовательных исторических сюжетов на разных хронологических уровнях. В то же время Китинг явлен нам как фигура, представляющая историописание раннего Нового

времени, уже отличающееся особым «интеллектуализмом», гармонизирующим с западноевропейскими образцами и основывающимся на них – что, в частности, особенно проявилось в упомянутой выше рецепции хронологии, почерпнутой Китингом у Беллармино.

Приятно поражает объемное и веское в научном отношении заключение к диссертации объемом в 25 страниц (С. 335–360); заключение, подобное которому нечасто встретишь не только в кандидатских, но и в докторских диссертациях. Оно очень содержательное: ведь автору есть что сказать. По сути дела, это готовая, хорошо фундированная исследовательская статья, пригодная для серьезного научного журнала.

В заключение скажу, что диссертация содержит удивительный пример (скорее даже феномен) своеобразного, яркого интеллектуализма переходного периода, которым обладали, очевидно, немногие представители ученых кругов европейского общества, причем, как показывает пример Китинга, не обязательно – элитарных его слоев. Скромный клирик из далекой Ирландии, объективно не так-то уж и втянутый в мощный слой интеллектуалов континента (и окончательно не введший – несмотря на все его патриотические усилия – любимую им страну с ее великой стариной в европейский интеллектуальный контекст), при всем его явно средневековом сознании и мышлении, являет такой удивительный пример огромного знания античной, библейской, местной национальной и средневековой континентальной традиции, что дает полное основание причислить его к крупнейшим фигурам интеллектуалов не только Средневековья, но и раннего Нового времени. Я считаю, что в выявлении этого удивительного феномена, почти совсем не известного и не исследованного в нашей литературе, и состоит большая исследовательская заслуга Ф.Е. Левина.

Что касается замечаний и вопросов к диссертации, то их немного; некоторые из них носят, скорее, характер советов на будущее способному молодому исследователю.

- Один из вопросов очерчен выше; напомним, что он касается проблемы хронологии.

- Далее. При всей тщательной проработке понятийного аппарата диссертации, Ф.Е. Левин, на мой взгляд, не дает полного авторского понимания термина «протонациональный», чрезвычайно важного для всего контекста. Каковы критерии выделения протонационального дискурса в средневековой Ирландии и даже, возможно, в средневековой Западной Европе в целом? Является ли этот термин базовым в этносимволизме с его идеей «средневековой нации» как еще недостаточно зрелого в этническом отношении сообщества, члены которого разделяют миф о едином происхождении и не претендуют на общую «территориальную и лингвистическую социальность»? Несет ли данный термин «анахроническую» нагрузку, наличие которой заранее констатирует то, что произойдет позже (так, например, появится термин «национальный», который отразит специфику образования наций раннего Нового и Нового времени)?

- Диссертация написана хорошим живым языком. И, однако, я считаю, что некоторые ее страницы отличаются терминологической перегрузкой. Так, например, на С. 217 в одном только абзаце соседствуют такие термины как «регентизация», «супрагентильный» (имеется в виду надбиологический), «идентитарные процессы», «консентуальная (имеется в виду договорная) идентичность». При чтении подобных частей текста невольно приходит мысль о том, что автору работы стоило бы подчас изъясняться более корректно, а лучше сказать – более просто и понятно. Я всегда считала и считаю, что подлинная научность (а она присутствует в диссертации) совсем не обязательно должна предполагать мудреное изложение материала.

- Хотелось бы еще посоветовать Ф.Е. Левину при работе над будущей книгой по важной проблеме, представленной в его диссертации (а я не сомневаюсь, что такая книга появится, и весьма скоро!), учесть последнюю по времени появления монографию М.А. Барга, вышедшую уже после кончины историка и написанную в соавторстве с К.Д. Авдеевой: «От Макиавелли до Юма: Становление историзма» (М., 1998). В этой монографии содержатся важные размышления, касающиеся специфики историописания раннего Нового времени.

Опубликованные автором исследования статьи, как и автореферат, соответствуют теме диссертации и отражают ее содержание. Результаты в полной степени апробированы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Представленная диссертация является самостоятельной научно-квалификационной работой, в ней поставлены и решены новые и недостаточно исследованные в отечественной историографии научные проблемы. Поэтому она соответствует пунктам 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (история средних веков).

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела
западноевропейского Средневековья и
раннего Нового времени
Института всеобщей истории РАН

Винокурова М.В.

07.11.2018 г.

Москва 119334, Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, 32-А
vinokurova @igh.ru; 8 916 877 95 59

